

Оценка национального богатства: советская история и постсоветская практика

Д. А. ФОМИН, кандидат экономических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления НГУЭУ, Новосибирск.
E-mail: fomin-nsk@yandex.ru

Аннотация. В советское время измерение национального богатства и стоимостная оценка основных фондов имели ряд особенностей, исходивших из марксистской теории трудовой стоимости и определявшихся государственным характером развития производства, учета и планирования. С точки зрения полноты и объективности статистических показателей, советская история оценки основных фондов была крайне неоднородной. В истории отчетливо выделяются три временных периода: наиболее успешный ранний и довоенный; военный и послевоенный период крайне низкого качества статистики; период оттепели и позднего СССР, характеризующийся систематическим долговременным накоплением статистических ошибок. Несмотря на то, что искажения показателей наличия основных фондов и их динамики были характерны для всего советского времени, советская статистика имела блестящие теоретические разработки и ценный методологический опыт решения учетных проблем. Однако этот опыт оказался невостребованным в условиях реформирования российской статистики и ее перехода на международные стандарты во второй половине 1990-х годов. Поиск решений статистических проблем исключительно за рубежом и игнорирование отечественной истории стали одной из причин отрицательной преемственности в этой сфере. Современная российская статистика национального богатства по-прежнему не отличается полнотой и достоверностью декларируемых показателей. Тщательное изучение советского опыта и возможностей его использования в современных условиях может оказаться полезным для исправления создавшейся ситуации.

Ключевые слова: национальное богатство; основные фонды; советская история; статистика СССР; достоверность статистических показателей

JEL B14, C82, E22.

Введение

Советская статистическая система имеет ряд качеств, делающих ее уникальной в истории мировой и отечественной статистики. Уникальность основана на том, что советская статистика обладала суверенностью, ее происхождение было исключительно национальным, а развитие диктовалось потребностями

советского государства и экономики. Современная российская статистика, так же как и статистика подавляющего большинства других стран, основана на международных стандартах, а практика деятельности во многом определяется международными (транснациональными) статистическими и исследовательскими организациями. Очевидно, что наиболее рациональным путем реформирования отечественной статистики в 1990-е годы был бы синтез, основанный на селекции лучших отечественных практик с передовыми западными достижениями. Однако фактически произошли отрицание важности накопленного опыта и отказ от советского наследия в пользу хорошо зарекомендовавших себя в развитых странах статистических стандартов деятельности. Конечно же, к советскому статистическому наследию никогда не поздно обратиться. Нужно только понять, в чем оно заключается и какую пользу может принести сегодня.

Особенности оценки национального богатства в СССР

Особенности или характерные черты, отличающие советскую статистику от западной того периода или современной российской статистики, проистекали из характера советской экономики, определялись ее государственным характером и экономической идеологией. В области оценки национального богатства эти особенности принимали следующую форму.

1. Статистическая наука в СССР основывалась на марксистской теории трудовой стоимости, согласно которой цена есть денежное выражение стоимости товара, а стоимостью может обладать только товар, т.е. продукт человеческого труда. Если какой-либо производственный ресурс не является продуктом труда, он не имеет стоимости, и, следовательно, цены. Экономические категории стоимости и цены в марксистской теории применялись только по отношению к материальным благам, содержащим в себе овеществленный труд [Вайнштейн, 1960. С. 59–68].

Практическим следствием марксистской теории стало исключение из стоимостной оценки элементов национального богатства, которые имели естественное происхождение (земля, недра, леса и т.д.). В советской статистике национальное богатство складывалось только из стоимости основных и оборотных фондов (в отдельные периоды выделялись стоимости незавершенного

строительства и скота), а также домашнего имущества населения. Что касается совокупного материального, нематериального и человеческого капитала, к изучению и оценке которого западная экономическая наука вплотную приступила во второй половине XX века, то здесь советские экономисты оперировали термином «производительные силы», даже не предпринимая попыток его статистического определения и измерения.

2. Советская статистика не имела опоры на отечественный опыт и традиции оценки национального богатства. По свидетельству А. Л. Вайнштейна, к началу XX века опыт оценки национального богатства был лишь у 14 наиболее развитых стран мира. Этот опыт накапливался десятилетиями (в некоторых случаях, как в Англии или Франции – столетиями) [Вайнштейн, 2000. С. 242–245]. Дореволюционная Россия в число этих стран не входила, что является свидетельством ее экономического и научного отставания.

3. Советская плановая и учетная системы не придавали большого значения стоимостным показателям, приоритетными были количественные натуральные данные. Такое положение объяснялось отсутствием объективных условий для формирования цен, уровень которых в обычной экономике определяет рынок. Поэтому ценообразование в СССР во многом носило произвольный, а зачастую и волонтаристский характер («рентабельным должно быть то, что необходимо»). При этом натуральные данные, характеризующие советскую экономику, были достаточно объективными и в целом не вызывали сомнений в своей достоверности у большинства отечественных исследователей и многочисленных иностранных советологов.

К этому стоит добавить, что официальная советская экономическая наука отрицала наличие инфляции в плановой советской экономике, а более чем очевидный рост цен на инвестиционные и потребительские товары объясняла ростом их качественных характеристик под воздействием научно-технического прогресса. Советская статистика была заложницей этих воззрений, поэтому изучение динамики цен, дефлятирование и индексация стоимостных показателей, их приведение к единому сопоставимому виду не были предметом практических усилий статистических работников. Это стало основной причиной фальсификации советских статистических данных. По сути, все макроэкономические временные данные, то есть данные, по своему определению

не имеющие натуральной основы, оказались искаженными. Это относится к динамике выпуска продукции, росту национального дохода, и, конечно же, физическому объему основных фондов.

4. В советской экономике собственность на средства производства была исключительно государственный, а ценообразование на товары, услуги и работы носило централизованный характер. Данная особенность облегчала задачу получения объективных данных о наличии и динамике фондов. Централизация экономики и собственности была объективным преимуществом социализма, в том числе в вопросах учета и оценки его материальной базы. Вопрос заключался в том, насколько советская система смогла реализовать эти преимущества.

5. Советские экономисты и статистики разработали и использовали собственный оригинальный метод учета состояния основных фондов, оценки их стоимости и динамики объема. Он сводился к двум учетно-статистическим процедурам – инвентаризации основных фондов и их переоценке. В процессе инвентаризации изучались эксплуатационно-технические характеристики и возможности производственного имущества. Переоценки проводились с целью доведения балансовой (теперь она носит название учетной) стоимости основных фондов до восстановительной, то есть современной стоимости.

Все переоценки фондов делились на три группы: отраслевые, проводимые в отдельных отраслях; территориальные, при которых оценивалось все производственное имущество отдельных территорий вне зависимости от его отраслевой или ведомственной принадлежности; генеральные, реализуемые в масштабах всей экономики. По подсчетам Ханина Г.И. и Копыловой Н.В., всего в СССР было проведено свыше 20 переоценок основных фондов [Ханин, Копылова, 2008. С. 60].

Современная практика оценки основного капитала, которая используется практически во всем мире, включая Россию, основывается на совершенно других принципах. Текущая стоимость основного капитала учитывается в смешанных ценах, т.е. ценах, действующих на момент приобретения имущества или при последней переоценке¹. Эти цены используются для

¹ В международной статистике используется термин «исторические цены» (historical prices).

оценки текущего финансового состояния на уровне отдельных субъектов экономики. Макроэкономическая статистическая оценка основного капитала базируется на использовании метода непрерывной инвентаризации, который позволяет определять стоимость основного капитала исходя из ежегодных сопоставимых значений инвестиций и нормативном выбытии производственного имущества [Measurement of capital..., 2001]. Данный метод был разработан в США в середине 1950-х годов и в дальнейшем интегрирован в систему национальных счетов с целью количественной оценки операций с капиталом.

Между тем результативность метода переоценки фондов экономики, при условии его правильного использования и соответствующем информационном и нормативном обеспечении, ничуть не ниже метода непрерывной инвентаризации. Возможности его использования отнюдь не ограничиваются плановой экономикой, о чем свидетельствует опыт проведения российских переоценок в 1990-е годы.

Начальный и предвоенный советский период (октябрь 1918 г. – июнь 1941 г.)

В период становления СССР, до первой половины 1920-х годов большого внимания стоимостной оценке имущества не уделялось, основной акцент был сделан на изменении формы собственности, национализации, а также номенклатурном изучении производственного потенциала. К переписям советская власть приступила в первые годы своего правления. В октябре 1918 г. была проведена первая советская профессионально-промышленная перепись; в августе 1920 г. – Всероссийская перепись промышленных заведений; в марте 1923 г. – Всесоюзная городская промышленная перепись; в 1925 г. и 1929 г. – переписи мелкой промышленности [Грачев, 1959. С. 28].

К оценке стоимости фондов советские плановые и хозяйственные органы приступили при составлении народнохозяйственных балансов 1922–1924 гг. и сразу же столкнулись с многочисленными трудностями [Войтехов, 1926]. Первая состояла в том, что балансы предприятий имели три вида валют: часть фондов была оценена в довоенных рублях; другая стояла на балансе в советских денежных знаках, пересчитанных на золотые рубли; наконец, третья часть фондов имела оценку в червонной

валюте. Следующая трудность была связана с отсутствием общепринятых временных норм использования имущества и амортизационных отчислений. Третья была обусловлена отсутствием единых правил ведения учета и централизованной статистической методологии, что неизбежно приводило к субъективизму в оценке фондов. Статистическая практика учета и стоимостной оценки неустановленного оборудования, законсервированного (неиспользуемого) или списанного имущества была весьма разнообразной.

Указанные трудности делали данные о стоимости фондов, уровне их использования и износа малодостоверными и не пригодными для использования централизованными органами хозяйственного управления. В создавшихся условиях необходимо было привести стоимость имущества и нормативы его использования в единый вид, что актуализировало проблему переоценки фондов. Решение о проведении первой советской переоценки фондов было принято в 1925 г., сама переоценка предполагала инвентаризацию имущества и актуализацию его стоимости.

Как показали более поздние исследования, первая советская переоценка фондов не привела в соответствие текущую восстановительную стоимость фондов и их балансовую оценку. По расчетам Г.И. Ханина, во второй половине 1920-х годов стоимость основных фондов была занижена более чем в два раза [Ханин, 1989. С. 75–76]. Автор расчетов полагает, что заниженная стоимость фондов сыграла роковую роль в выполнении планов первой советской пятилетки. Планировавшийся объем капитальных вложений исходил из стоимости существующих фондов, а так как она оказалась заниженной, руководящие органы резко завысили плановые показатели роста фондов. В результате капитальные вложения, не соотнесенные с реальной стоимостью фондов, не дали того прироста, на которые были рассчитаны. Соответственно, невыполнимыми оказались пятилетние задания по производству продукции [Ханин, 1989. С. 75–76].

Несмотря на все сложности и недостатки, первая генеральная переоценка фондов СССР 1925 г. имела громадное научное и практическое значение. Ее значимость определялась не только прогрессом по сравнению с царской Россией, в которой подобные работы не проводились, но и сравнением со статистикой капитала других стран. Даже в самых развитых странах того

времени не существовало надежной статистики капитала, а периодически проводившиеся цензы имущества давали весьма грубые стоимостные оценки. В результате проведения переписи советские плановые и статистические органы накопили опыт оценки имущества, увидели проблемы, связанные с переоценкой фондов и возможные пути их решения.

Именно на этот период – 1920–1930 годы пришелся расцвет советской экономической и статистической науки. Появились выдающиеся работы по оценке национального богатства и статистики фондов А.Л. Вайнштейна и С.Г. Струмилина, также были опубликованы первые работы Я.Б. Кваши. С точки зрения измерения стоимости основных фондов это был самый плодотворный и результативный период не только советской, но и вообще всей российской статистики, даже несмотря на то, что добиться качественного и полного учета основных фондов в предвоенном СССР статистической службе так и не удалось [Фомин, 2008].

Военный и послевоенный период (июнь 1941 г. – декабрь 1959 г.)

Начало Великой Отечественной войны прервало работы по изучению основных фондов и оценке их стоимости, у статистических и плановых органов появились более приоритетные задачи. Формально учет стоимости фондов осуществлялся на протяжении всех военных и послевоенных лет, однако качество этих работ трудно признать сколько-нибудь удовлетворительным: те редкие показатели, которые были опубликованы, практически не оставляют сомнений в их недостоверности. Во время Великой Отечественной войны к традиционно существующим проблемам определения стоимости основных фондов добавился еще целый ряд специфических проблем.

Первая из них – это, конечно, проблема оценки колоссальных материальных потерь в годы войны. Самой первой официальной работой, посвященной военному периоду, является известная книга Н. Вознесенского [Вознесенский, 1947], в которой автор дает полный и исчерпывающий ответ о материальных потерях СССР в годы войны, но только в натуральном выражении. Перечень имущества и материальных объектов, подвергшихся уничтожению, занимает пять страниц [Вознесенский, 1947. С. 157–161].

Но вот подсчет стоимостных потерь ничего, кроме недоумения, не вызывает. Общий итог потерь имущества на оккупированных территориях автор оценивает в 679 млрд руб. в довоенных ценах [Вознесенский, 1947. С. 162]. При этом указывается, что стоимость всех фондов СССР (не считая скота) в 1940 г. составила 709 млрд руб. в ценах 1945 г. [Вознесенский, 1947. С. 12]. При сопоставлении этих цифр нужно иметь в виду следующее. В стоимость потерь имущества на оккупированных территориях автор, помимо основных фондов государственных предприятий, включает стоимость фондов колхозов, скота, личного имущества населения и готовой продукции. Кроме того, в годы войны существенно выросли цены на потребительские товары, а значит, и стоимость имущества населения.

При этом автор приводит сведения об изменении цен на промышленную продукцию в военное время [Вознесенский, 1947. С. 127]. Согласно этим данным, в 1942 г. изменились отпускные оптовые цены на промышленную продукцию. Общий индекс цен на нее к довоенному уровню составил 98%, в том числе на продукцию машиностроения – 87 и тяжелой промышленности – 98%. В военные годы динамика цен на инвестиционные и потребительские товары имела разную направленность – первые снижались, вторые росли. Отсюда ясно, что при правильном пересчете стоимости фондов из 1945 г. в цены 1940 г. следовало применять повышающие коэффициенты, поэтому стоимость фондов в ценах 1945 г. была ниже стоимости фондов в ценах 1940 г., если не учитывать военные и другие потери. Но даже с учетом номенклатурного и ценового факторов ясно, что общие материальные потери СССР в годы войны не могли быть приближены к довоенной стоимости практически всех основных фондов СССР, как это следует из данных Н. Вознесенского.

Позднейшие советские оценки показывали более низкое падение стоимости фондов в годы войны. Начальник управления статистики материально-технического снабжения ЦСУ СССР Г. Овчаренко писал о потерях к концу 1945 г. 14% всех производственных и 19% непроизводственных фондов довоенного 1940 г. [Овчаренко, 1972. С. 37]. По всей видимости, эти оценки отражали стоимость reparаций, а также включали стоимость импортного оборудования, что понижало объем материальных военных потерь. Но это не более чем догадки.

Последующие, уже российские публикации, не добавили ясности в этом вопросе. В 2015 г. вышел специальный юбилейный сборник, посвященный экономике СССР 1941–1945 гг. [Великая Отечественная..., 2015]. Как и многие другие публикации Ростата, сборник не содержит описание методологии, по которой получены те или иные показатели, и практически лишен комментариев. В нем впервые были обнародованы данные о национальном имуществе СССР перед войной и его потерях. Стоимость национального имущества (по всей видимости, в ценах 1940 г.) к началу войны составляла 2235,3 млрд руб.; потери составили 655,2 млрд руб., или 29,3% [Великая Отечественная..., 2015. С. 129]. Как видно, общая сумма потерь очень близка к оценке Н. Вознесенского.

Так или иначе, статистики сумели составить подробный перечень пострадавших во время войны материальных объектов и определить их стоимость в довоенных ценах.

Вторая проблема, возникшая в военные годы, связана с сопоставимостью довоенных и послевоенных оценок стоимости фондов. Её решение заключалось в расчетах ценовых индексов и исчислении капитальных вложений, а также запасов фондов в сопоставимых ценах. Эту проблему советские статистики в годы войны так и не решили. Поэтому во всех послевоенных публикациях фонды имеют разные и несопоставимые оценки. Динамика капитальных вложений в годы войны и послевоенного десятилетия была рассчитана только после 1955 г. в ходе подготовки всеобщей переоценки фондов. Что касается единого временного ряда динамики физического объема основных фондов СССР, такого расчета нет до сих пор.

Третья проблема состояла в расчете объема послевоенных репараций. В советское время единственной официальной оценкой стоимости перемещенного с территории Германии имущества являлись расчеты Н. Вознесенского. В его уже упоминавшейся работе ущерб оценен в 679 млрд руб., или 128 млрд долл. США, а стоимость полученного по репарациям имущества в 0,6% от ущерба [Вознесенский, 1947. С. 163]. Таким образом, стоимость послевоенных репараций оценивается Н. Вознесенским в 770 млн долл.

Более поздние оценки, которые стали появляться после объединения Германии и сведения архивных данных ФРГ и ГДР,

показали недостоверность этих расчетов. По оценкам министерства финансов ФРГ, сделанным в конце 1997 г., стоимость изъятого СССР немецкого имущества составила 15,8 млрд долл. США в послевоенных ценах, что эквивалентно 400 млрд долл. в современных ценах [Катасонов, 2015. С. 87]. Еще одна достаточно известная оценка военных репараций принадлежит американскому историку П. Либерману. Примечательно, что автор сумел оценить общую стоимость репараций, полученных СССР не только с Германии, но и с ее союзников – Румынии и Венгрии, а также оценить ту часть репараций, которую СССР передал новым социалистическим государствам – Польше, Болгарии и Чехословакии. По этой оценке, итоговое сальдо репарационных трансфертов составило 18,7 млрд долл. США [Lieberman, 1998. P. 129].

До сих пор мало что известно о размере трофейных изъятий на оккупированных Красной Армией территориях Восточной Европы². Самые известные на эту тему работы принадлежат П. Кнышевскому и М. Семиряге [Кнышевский, 1994; Семиряга, 1995]. Однако несмотря на многочисленные подробности и описание вывезенных ценностей, какой-либо стоимостной оценки в работах не содержится.

Для примерного понимания количества вывезенных трофеев и их стоимости можно привести два следующих факта. По данным П. Кнышевского, собранным в архивах министерства обороны СССР, общий размер вывезенного трофейными бригадами имущества в 1945 г. составил: 21834 вагона вещевого и обозно-хозяйственного имущества; 73495 вагонов со строительным материалом и «квартирным имуществом»; 6370 вагонов бумаги; 588 вагонов посуды; 154 вагона мехов, тканей и шерсти; 18217 вагонов с сельскохозяйственным оборудованием; 24 вагона музейных ценностей; всего же трофейные бригады отгрузили свыше 400 тыс. вагонов [Кнышевский, 1994. С. 20].

² В международном праве военные трофеи представляют собой имущество, захваченное на поле боя или на территории страны-противника до подписания ею акта капитуляции. Трофейные изъятия не являются репарациями, последние представляют собой компенсацию за причиненный в ходе боевых действий ущерб и являются условием заключения мирного договора между воюющими странами. В СССР трофейные бригады стали создаваться в феврале 1943 г. и официально прекратили свое существование в августе 1945.

В конце 1940-х годов в СССР были организованы так называемые «трофейные дела», самым громким из которых стало дело генерала К. Ф. Телегина. Генерал вывез из Германии 10 платформ и вагонов с легковыми автомобилями, мебелью, фарфором, антиквариатом, золотом, гобеленами и картинами. В рамках уголовного дела все эти ценности были изъяты государством. В 2004 г. потомки генерала сочли эти изъятия незаконными и обратились в суд. Собранные ими сведения о конфискованном имуществе и последующая независимая оценка показали современную стоимость конфискованного имущества – около 1 млрд долл. США [Мосякин, 2008. С. 259].

Наконец, четвертая проблема была связана с оценкой поставок оборудования по ленд-лизу. В условиях начавшейся сразу после войны конфронтации с западными странами, тема союзнической материально-технической помощи стала табуированной. Современный анализ западных оценок свидетельствует, что США поставили воюющему СССР материальных ценностей, вооружения и военной техники на сумму 11,3 млрд долл. [Мосякин, 2008. С. 589].

По сути, статистическая практика военного и послевоенного времени перечеркнула все достижения советской статистики 1920–1930 годов. Имущество военной и послевоенной экономики формировалось из разных источников, его стоимость не имела сколько-нибудь сопоставимого вида. Были прекращены также учетные работы по определению состава фондов, степени их износа, технического состояния, эксплуатационных возможностей. В целом период с 1940 г. до 1959 г., то есть годы до проведения всеобщей переоценки фондов, являются самыми провальными с точки зрения качества статистики основных фондов на протяжении всей советской истории.

Деградация статистической службы сопровождалась такой же деградацией и экономической науки. Это выразилось, прежде всего, в том, что исчезла потребность в научных идеях, замыслы и усилия ученых объявлялись ненужными. Вот, например, характерное высказывание того времени о переписи промышленного оборудования в 1932–1934 гг., принадлежащее автору учебника 1948 г. по промышленной статистике Д. В. Савинскому. Автор отмечал «чрезмерную широту этой программы, чрезвычайную сложность программы разработки материала, медленность этой

разработки». В результате «все это в значительной мере превратило саму перепись в чисто академическую работу, оторванную от запросов сегодняшнего дня, и обесценило ее оперативное значение» [цит. по: Грачев, 1959. С. 29–30]. Чем бы автор ни руководствовался при написании этих строк, они призывали к упрощению и примитивизации статистики, в них звучало требование отказа от любой сложности и новизны.

Период оттепели и позднего СССР (январь 1960 г. – декабрь 1991 г.)

Призывы к упрощению статистической практики в области изучения и оценки основных фондов, звучавшие в годы правления И. В. Сталина, столкнулись с объективной необходимостью усложнения статистических работ. В послевоенном СССР накапливались многочисленные учетные статистические проблемы, без решения которых нельзя было повысить качество планирования и эффективность использования капитальных вложений.

Для советской экономики был характерен скрытый рост цен на промышленное оборудование, что хорошо осознавалось наиболее квалифицированными экономистами. Например, Я. Б. Кваша приводит пример Херсонского хлопчатобумажного комбината, в котором фактическая стоимость ткацких станков превысила сметную в четыре раза; стоимость крутильных машин – в 1,7; раза, сушилок – в 1,2; аппаратов – в 1,18 раза. В качестве другого примера он использует данные о стоимости вакуум-фильтров по нарядам заводов: на Смоленском машиностроительном заводе фильтры были оценены в 8,9 тыс. руб. за единицу, на «Уралхиммаше» – в 11 тыс. руб., тогда как преysкурантная цена фильтров составляла 3,5 тыс. руб. [Кваша, 2003. С. 467].

Между тем планирование капитальных вложений осуществлялось исходя из стоимости функционирующих производств, нормативных смет строительства и преysкурантов цен на материально-техническую продукцию. Очевидно, что заниженная балансовая стоимость фондов, а также устаревшие ценники на инвестиционные товары и строительно-монтажные работы приводили к ошибкам в определении затрат, необходимых для строительства предприятий. В результате, например, в процессе строительства Волжского химического комбината сметную стоимость строительства пришлось увеличить на 26%; Балаковского

комбината искусственного волокна – на 20%; Новокемеровского комбината – на 74% [Кваша, 2003. С. 467]. Из этих примеров видно, что запланированный ввод производственных мощностей не обеспечивался адекватным объемом капитальных вложений. Это приводило к сокращению ввода новых производств и, как следствие, невыполнению планов.

Таким образом, незначительная, как многим казалось, учетная проблема объективной оценки стоимости основных фондов, приводила к серьезным экономическим сложностям и срыву плановых заданий. Нетрудно заметить, что советская экономика в 1950-е годы столкнулась с теми же проблемами, что и в 1920-е, но решать их послевоенные советские экономисты предпочитали по-своему. По всей видимости, они сочли, что переоткрывать проблемы и вновь искать пути их разрешения гораздо интереснее и продуктивнее изучения опыта прошлого.

Еще одной хронической стала проблема финансового обеспечения воспроизводства основных фондов советской экономики. В СССР общие нормы амортизации подразделялись на полное восстановление (реновацию) фондов и капитальный ремонт. Вполне понятно, что заниженная стоимость фондов приводила к занижению амортизационных отчислений. Не вникая в причины создавшегося положения, плановые органы пошли по простому пути повышения норм амортизации. В СССР амортизационные нормы, не считая незначительных уточнений, пересматривались пять раз. В период с 1930 г. по 1940 г. нормы на реновацию составляли 1,7% к среднегодовой стоимости основных фондов; в 1950 г. они равнялись 1,6%; в 1970 г. – 2,7%; в 1980 г. – 3,7%; в 1990 г. – 4,2³. Как видно, рост за 60 лет – почти в 2,5 раза. Советская экономическая наука не обошла стороной факт увеличения норм амортизации. Однако большинство советских экономистов ошибочно посчитали это результатом научно-технического прогресса, предполагающим создание все более новых и производительных средств производства и увеличение морального износа устаревшего имущества.

Указанные трудности развития советской экономики постепенно приводили к пониманию необходимости проведения

³ Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Под общ. ред. А. Г. Грязновой. М.: Финансы и статистика, 2002. 1168 с. [С. 32].

переоценки основных фондов. Для этих целей были задействованы многочисленные отраслевые проектные и научно-исследовательские организации, которые подготовили 103 ценника и 35 сборников укрупненных показателей стоимости горных выработок, зданий и сооружений. Ценники и сборники указывали цены, действовавшие в 1955 г., приблизительно для 40–45 тыс. типов, марок и типоразмеров машин советского и зарубежного производства, а также на тысячи конструктивных элементов зданий и сооружений [Кваша, 2003. С. 494]. Как видно, это была громадная, трудоемкая и дорогостоящая работа.

Переоценка фондов проводилась в течение всего 1959 г. и ставила целью приведение по состоянию на начало 1960 г. стоимости всех видов основных фондов советской экономики в единый сопоставимый вид в ценах 1955 г. По сути, это была вторая (после переоценки фондов 1926 г.) советская инвентаризация и переоценка основных фондов. Она представляла собой типичный случай того, что называется «преемственностью через разрыв», где под разрывом понимается учетная практика военного и послевоенного времени с ее провалами, пропусками и ошибками. Только после переоценки фондов советская статистика стала строить единый временной ряд ежегодных значений физического объема основных фондов. До 1960 г. такое построение было невозможным.

Переоценка 1960 г. по объему предварительных работ и масштабу охвата имущества является уникальным и беспрецедентным в отечественной и мировой практике случаем определения стоимости основных фондов. Тем не менее громадный потенциал переоценки советской статистике не удалось реализовать полностью.

Прежде всего, результаты переоценки показали незначительный рост стоимости фондов по сравнению с их балансовой стоимостью. В целом по народному хозяйству стоимость фондов выросла только на 12%, а производственных фондов – на 6% [Бунич, 1960. С. 69–70]. П. Г. Бунич к недостаткам переоценки фондов 1959 г. относит неполный круг переоцениваемых материальных объектов. В частности, переоценке не подлежали предприятия и организации, содержащиеся за счет средств бюджета (административные учреждения, больницы, школы, дороги и сооружения, высшие учебные заведения и т.д.), а также

вложения в арендованное имущество и объекты незавершенного строительства, не оформленные актами ввода в эксплуатацию [Бунич, 1960. С. 62]. Я. Б. Кваша в качестве иллюстраций занижения стоимости фондов после 1960 г. приводит сопоставимые данные о балансовой стоимости некоторых видов промышленного оборудования и объемах капитальных вложений. Так, стоимость оборудования хлопчатобумажной промышленности была практически в два раза ниже реальной; цветной металлургии – в 1,5 раза; фонды электроэнергетики недооценены на 15–20% [Кваша, 2003. С. 466]. Эти примеры показывают, что свою основную задачу – выравнивание восстановительной и балансовой стоимостей – переоценка фондов 1960 г. так и не решила.

Третья и последняя советская переоценка и инвентаризация основных фондов проводилась по состоянию на 1 января 1972 г. для организаций и предприятий и на 1 января 1973 г. – для государственных учреждений.

По мнению Я. Б. Кваши, условия проведения переписи 1972 г. были более благоприятными по сравнению с условиями 1960 г. Между двумя датами переоценки цены на оборудование пересматривались только один раз, в 1967 г. Поэтому стоимость фондов, введенных до 1967 г., можно было переоценить по укрупненным групповым индексам, а стоимость фондов, введенных после этого года, оставить без изменений. Применение групповых индексов позволило бы существенно снизить стоимость проведения переоценки 1972 г. [Кваша, 2003. С. 494–496]. В итоге ЦСУ СССР именно это и сделало.

Переоценка фондов привела к увеличению их стоимости на 73 млрд руб., или на 11%. При этом часть фондов была дооценена, на 106 млрд руб., или 16% от общей стоимости фондов; другая же часть – уценена на 33 млрд руб., или на 5% [Овчаренко, 1972. С. 39].

Переоценка основных фондов 1972 г. достаточно верно отразила ценовые изменения за время, прошедшее с момента последней переоценки. Однако использование адекватных ценовых индексов при ошибочно определенной базе стоимости привело к тому, что ошибки прошлого были перенесены в будущее в той же мере и той же пропорции. Очевидно, что индексный метод переоценки фондов, отражающий ценовые изменения только за ограниченный промежуток времени между переоценками,

оказался непригодным для определения актуальной стоимости фондов. В целом генеральная переоценка основных фондов 1972 г., как и предыдущая (1959 г.), не решила своей главной задачи – балансовая стоимость основных фондов народного хозяйства СССР так и не была доведена до восстановительной стоимости.

Столь масштабные статистические работы по переоценке и инвентаризации основных фондов в СССР больше не проводились, несмотря на все нарастающее отставание балансовой стоимости фондов от восстановительных цен. О том, что статистика недостоверно отражает стоимостный объем основных фондов и, как следствие, фальсифицирует сопоставимые стоимостные показатели их ввода и выбытия, а также уровень износа, хорошо было известно руководителям государства. По этому поводу последний премьер-министр СССР В. С. Павлов писал: «Средний срок амортизации предусматривался 17 лет, а фактически перевалил 20. Необходимо было учитывать также то, что стоимость единицы полезного эффекта машин и оборудования, поставляемого на замену, была в 3–5 раз дороже, чем у выбывающих. Поэтому динамика нарастания физического объема основных фондов значительно опережала повышение стоимостной оценки износа за счет ее искусственного сдерживания через рост цен» [Павлов, 1993. С. 15]. Несмотря на ясное понимание статистических проблем, руководители страны так ничего и не предприняли для их решения.

Можно констатировать, что задачу объективной оценки стоимости основных фондов и их динамики советская статистика так и не решила за всю историю своего существования. Тем не менее однозначно считать эту историю временем провалов и неудач было бы неправильно и несправедливо.

Постсоветский период (январь 1992 г. – апрель 2019 г.)

К началу рыночных экономических преобразований советская экономика подошла не только со значительно недооцененными фондами, но и с богатым опытом решения статистических учетных проблем. Новой экономической системе предстояло сделать выбор, что из этого опыта считать негативным, а что позитивным, что из прошлого можно унаследовать, от чего следует отказаться.

История оценки национального богатства и основного капитала в современной России формировалась под воздействием двух факторов: традиций советского периода и новаций, связанных с переходом российской статистики на международные стандарты и методологию. В начальный период рыночных реформ первый фактор был более значимым, о чем свидетельствуют ежегодные переоценки основных фондов 1992–1997 гг. В 1998 г., по свидетельству А.Е. Суринова, статистический отдел Секретариата ООН посчитал, что уровень внедрения системы национальных счетов в России соответствует первому этапу. Это означало, что у российской статистической службы появился формальный повод для отказа от всеобщих обязательных переоценок и перехода на новые международные принципы оценки капитала [Суринов, 2002. С. 23–24].

Однако в какой степени советское прошлое стало прошлым? Удалось ли современной российской статистике избавиться от недостатков прежней учетной системы? Если в качестве критериев выбрать полноту статистических данных и их достоверность, то они будут отрицательными.

Современная мировая статистика национального богатства весьма дифференцирована по его различным элементам. В ней выделяется стоимость нематериального капитала, производственного капитала, естественного капитала, а также стоимость сельскохозяйственных земель, пастбищ, леса и недр (последние различаются по видам добычи ископаемых) [The changing..., 2011. P. 46].

Российская статистическая служба только один раз в конце 1990-х годов провела оценку элементов национального богатства. Методология выполнения этих работ нигде не публиковалась, были обнародованы только результаты расчетов. Общая стоимость национального богатства России на начало 1999 г. оценивалась в 670,6 трлн руб., большая её часть (97,3%) приходилась на материальные произведенные активы; основные фонды составили 2,1% богатства; домашнее имущество – 0,4. Главным элементом богатства с наибольшей стоимостью (87,7% всего объема)⁴ являлись недра [Основные фонды..., 1999. С. 9].

⁴ Основные фонды и другие нефинансовые активы России: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1999. 105 с.

Трудно сказать, каким образом были получены эти оценки, насколько они объективны. Разовый характер публикации стоимости национального богатства, по всей видимости, связан с тем, что официальная статистическая служба не была удовлетворена проделанной работой и не была убедительна в доказательстве правоты приводимых оценок. В настоящее время российская статистика национального богатства ограничена определением стоимости основного и оборотного капитала, а также имущества домашних хозяйств. Таким образом, с точки зрения полноты оценки национального богатства российская статслужба ни на шаг не отошла от советской практики и не приблизилась к западным образцам.

В полной мере это относится и к качеству декларируемых статистических показателей. Наши с Ханиным Г.И. расчеты выявили многократное превышение восстановительной стоимости основных фондов над их учетной стоимостью, в 2015-е годы это превышение в целом по экономике достигло 7,97 раза [Фомин, Ханин, 2017]. Нет нужды лишний раз объяснять, что неправильная оценка стоимости фондов искажает динамику их физического объема и степень износа, делает несопоставимыми коэффициенты выбытия фондов и их обновления, недостоверной всю систему финансовых показателей деятельности российской экономики.

Сегодняшняя официальная методология оценки балансов основных фондов предполагает оценку выбывших и действующих фондов с использованием индексов инвестиционных цен с момента последней переоценки⁵. Ее использование неизбежно приводит к систематическим ошибкам и искажению показателей. Виновата, конечно, не статистическая методология, а слепое следование ее предписаниям и не менее слепая вера в ее безграничные возможности. В данном случае это означает, что тщательный расчет объема выбывших и оставшихся фондов, а также индексов цен на инвестиционные товары и услуги, в принципе не способен привести к достоверности. Все дело в исходной статистической базе, в накопленных за многие годы противоречиях между восстановительной и учетной стоимостью

⁵ Методологические положения по статистике. Вып. 5./ Росстат. М., 2006. 510 с. [С. 50-74].

фондов, так и не разрешенных ни советскими, ни российскими статистиками.

Заключение

Сегодняшнее положение в стоимостном учете фондов очень похоже на то, которое сложилось в СССР в послевоенные годы. Выходить из него нужно так же, как выходили в то время. В России нужно провести генеральную переоценку основных фондов. Конечно, это масштабная и чрезвычайно трудная работа. Переоценка требует информационного и нормативного обеспечения, на создание которого может уйти не один год. Однако надеяться на появление в России качественной и достоверной статистики основного капитала без такой переоценки – значит сознательно погружаться в мир иллюзий, обмана и самообмана. Чем последнее закончилось для СССР, хорошо известно. Именно поэтому прошлый опыт может быть очень полезен. Советская практика измерения национального богатства – это не то, к чему нужно вернуться. И даже не то, от чего нужно уйти. Это всего лишь то, к чему нужно периодически обращаться для того, чтобы двигаться вперед.

Литература

- Бунич П. Г.* Основные фонды социалистической промышленности. М., 1960. 304 с.
- Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. 190 с.
- Войтехов П. Г.* Нормы амортизации и оценка имущества. Изд.-ние 2, исправленное. М.-Л: АО «Промиздат», 1926. 230 с.
- Вайнштейн А. Л.* Избранные труды: В 2 книгах. Кн. 2. Народное богатство и народный доход России и СССР. М.: Наука, 2000. 560 с.
- Вайнштейн А. Л.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М.: Госстатиздат, 1960. 484 с.
- Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1947. 192 с.
- Грачев Н. Г.* Материалы и итоги переписи промышленного оборудования 1932–1934 гг. как исторический источник // Проблемы источниковедения. Т. VII. М., 1959. С. 26–58.
- Катасонов В.* Россия в мире репараций. М.: Изд. дом «Кислород», 2015. 176 с.
- Кваша Я. Б.* Избранные труды: в 3 т. / Т. 2: Капитальные вложения и воспроизводство основных фондов. М.: Наука, 2003. 511 с.
- Кнышевский П. Н.* Добыча. Тайны германских репараций. М.: Соратник, 1994. 144 с.

Мосякин А.Г. За пеленой янтарного мифа: Сокровища в закулисье войн, революций, политики и спецслужб. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭ)Н, 2008. 615 с.

Овчаренко Г. К итогам переоценки основных фондов // Вестник статистики. 1972. № 12. С. 36–43.

Основные фонды и другие нефинансовые активы России: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1999 г. 105 с.

Павлов В. Август изнутри. Горбачев-путч. М.: Деловой мир, 1993. 128 с.

Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭ)Н, 1995. 400 с.

Суринов А.Е. Официальная статистика в России: проблемы реформирования. М.: ИИЦ «Статистика России», 2002. 200 с.

Фомин Д.А. Какой была довоенная советская статистика? // Вопросы статистики. 2008. № 11. С. 73–78.

Фомин Д.А., Ханин Г.И. Динамика основного капитала экономики РФ в постсоветский период (1992–2015 гг.) // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 21–33.

Ханин Г.И. Когда и как погиб НЭП // ЭКО. 1989. № 10. С. 66–83.

Ханин Г.И., Копылова Н.В. Оценка стоимости основных фондов в дореволюционной России и СССР // Вопросы статистики. 2008. № 3. С. 58–65.

Lieberman P. Does Conquest Pay? The Exploitation of Occupied Industrial Societies. N.J.: Princeton University Press, 1996. 250 p.

Measurement of capital stocks, consumption of fixed capital and capital services, OECD Manual, 2001. 132 p.

The changing wealth of nations: measuring sustainable development in the new millennium – Washington. The World Bank. 2011. 42 p.

Статья поступила 04.05.2019.

Для цитирования: Фомин Д.А. Оценка национального богатства: советская история и постсоветская практика // ЭКО. 2019. № 8. С. 141–162. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-8-141-162.

Summary

Fomin, D.A., Cand. Sci. (Econ.), Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

Evaluation of National Wealth: Soviet History and Post-Soviet Practice

Abstract. In the Soviet times, the national wealth measurement and the fixed assets valuation had a number of features that theoretically proceeded from Karl Marx's Labor Theory of Value and were practically determined by the state character of production, accounting and planning development. In terms of completeness and objectivity of statistical indicators, the Soviet history of fixed assets valuation was extremely heterogeneous. Three time periods are clearly distinguished in history: the most successful (early and prewar); the war and postwar period of extremely low quality statistics; the thaw and the later Soviet period, characterized by systematic long-term accumulation of statistical errors. Despite the fact that distorted indicators of available fixed assets and their dynamics were characteristic of the entire

Soviet period, the Soviet statistics had brilliant theoretical insights and valuable methodological experience in solving accounting problems. However, the experience turned out to be unclaimed in the context of reforming Russian statistics and its transition to international standards in the second half of the 1990s. Searching for solutions of statistical problems exclusively in foreign geography and ignoring the national history became one of the reasons for negative statistical continuity. The modern Russian statistics of national wealth is still not notable for completeness and reliability of declared indicators. An in-depth study of the Soviet experience and its possible use in modern conditions might help remedy the situation.

Keywords: *national wealth; fixed assets; Soviet history; USSR statistics; reliability of statistical indicators*

References

- Bunich, P.G. (1960). *Fixed assets of the socialist industry*. Moscow. 304 p. (In Russ.).
- Great Patriotic War. (2015). Jubilee statistical compilation. Moscow. Publ. Rosstat. 190 p. (In Russ.).
- Voytekhev, P.G. (1926). Depreciation rates and asset valuation. Moscow–Leningrad. Publ. AO «Promizdat». 230 p. (In Russ.).
- Vaynshteyn, A.L. (2000). The national wealth and national income of Russia and USSR. Moscow. Publ. Nauka. 560 p. (In Russ.).
- Vaynshteyn, A. L. (1960). National wealth and national economic accumulation pre-revolutionary Russia. Moscow. Publ. Gosstatizdat. 484 p. (In Russ.).
- Voznesenskiy, N. (1947). Soviet military economy during the Patriotic War. Moscow. Publ. OGIZ Gospolitizdat. 192 p. (In Russ.).
- Grachev, N.G. (1959). Materials and results of the census of industrial equipment 1932–1934. as a historical source. *Problemy istochnikovedeniya*. No. VII. Pp. 26–58. (In Russ.).
- Katasonov, V. (2015). Russia in the world of reparations. Moscow. Publ. Izdatel'skiy dom «Kislorod». 176 p. (In Russ.).
- Kvasha, Ya.B. (2003). Capital investments and reproduction of fixed assets. Moscow. Publ. Nauka. 511 p. (In Russ.).
- Knyshevskiy, P.N. (1994). Extraction. Secrets of German Reparations. Moscow. Publ. Soratnik. 144 p. (In Russ.).
- Mosyakin, A.G. (2008). Behind the veil of amber myth. Treasures behind the scenes of wars, revolutions, politics and special services. Moscow. Publ. Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEH). 615 p. (In Russ.).
- Ovcharenko, G. (1972). The results of the revaluation of fixed assets. *Vestnik statistiki*. No.12. Pp. 36–43. (In Russ.).
- Fixed assets and other non-financial assets of Russia. (1999). Moscow. Publ. Rosstat. 105 p. (In Russ.).
- Pavlov, V. (1993). August from the inside. Gorbachev-putsch. Moscow. Publ. Delovoj mir. 128 p. (In Russ.).
- Semiryaga, M.I. (1995). How we ruled Germany. Publ. Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEH). 400 p. (In Russ.).
- Surinov, A.E. (2002). Official statistics in Russia: problems of reforming. Moscow. Publ. Statistika Rossii. 200 p. (In Russ.).

Fomin, D.A. (2008). What was the pre-war Soviet statistics? *Voprosy statistiki*. No. 11. Pp. 73–78. (In Russ.).

Fomin, D.A., Hanin, G.I. (2017). Dynamics of fixed capital of the economy of the Russian Federation in the post-Soviet period (1992–2015). *Problemy prognozirovaniya. Studies on Russian Economic Development*. No 4. Pp. 21–33. (In Russ.).

Hanin, G.I. (1989). When and how did the NEP? *ECO*. No. 10. Pp. 66–83. (In Russ.).

Hanin, G.I., Kopylova, N.V. (2008). Valuation of fixed capital in pre-revolutionary Russia and the USSR. *Voprosy statistiki*. No. 3. Pp. 58–65. (In Russ.).

Lieberman, Peter. *Does Conquest Pay? The Exploitation of Occupied Industrial Societies*. N.J.: Princeton University Press, 1996. 250 p.

Measurement of capital stocks, consumption of fixed capital and capital services, *OECD Manual*, 2001. 132 p.

The changing wealth of nations: measuring sustainable development in the new millennium – Washington. (2011). *The World Bank*. 242 p.

For citation: Fomin, D.A. (2019). Evaluation of National Wealth: Soviet History and Post-Soviet Practice. *ECO*. No. 8. Pp. 141-162. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-141-162.